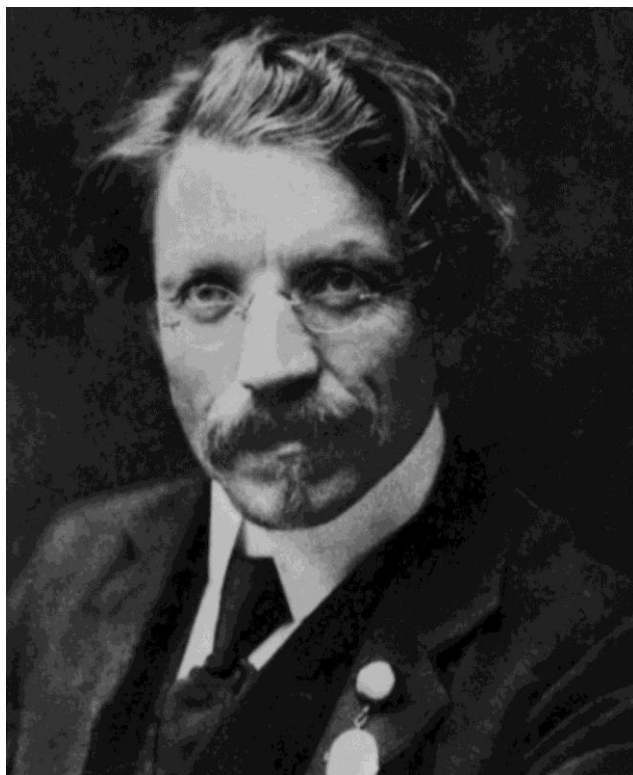

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ШОЛОМ-АЛЕИХЕМ

1859-1916

Шолом-Алейхем
Менахем-Мендл
Мальчик Мотл

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84
Ш78

*Перевод с идиш
Михаила Абрамовича Шамбадала*

Шолом-Алейхем

Ш78 Менахем-Мендл. Мальчик Мотл / Шолом-Алейхем; [пер. с идиш М.А. Шамбадала]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 350 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

Шолом-Алейхем – псевдоним одного из основоположников еврейской литературы на идиш Шолома Нохумовича Рабиновича. Выдающийся бытописатель и юморист, Шолом-Алейхем создал в своём творчестве незабываемые образы обыкновенных людей, беспросветная жизнь которых скрашивается смехом, хотя часто это «смех сквозь слёзы». Цикл новелл-писем «Менахем-Мендл» и повесть «Мальчик Мотл» – история двух еврейских семей, пытающихся выбраться из нужды и найти своё счастье. Судьба и надежда на лучшее приводит доверчивых и непрактичных героев и в большой город, и за океан в другую страну, но, как говорится, «там хорошо, где нас нет».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84
BIC FC
BISAC FIC000000

Менахем-Мендл

Повесть в письмах

Ко второму изданию

Менахем-Мендл — не герой романа и вообще личность не выдуманная. Это человек обыденный, заурядный, с которым автор лично и близко знаком. Он вместе с ним прошел лет двадцать жизненного пути. Встретившись в 1892 году на одесской «малой бирже», мы потом рука об руку проделали все семь кругов ада на бирже в Егупце, «шли» с ним вместе в Петербург и Варшаву, пережили множество кризисов, кидались от одной профессии к другой, но — увы! — нигде счастья не нашли и вынуждены были в конце концов, по примеру многих, эмигрировать в Америку. Там, говорят, евреям неплохо... Об этом можно будет судить по дальнейшим его письмам из Америки.

А пока суд да дело, я собрал все письма, которые он на протяжении восемнадцати лет писал своей жене Шейне-Шейндл в разное время и печатал в разных местах, так же как и письма его жены к нему, и составил из них книгу, чуть ли не письмовник.

Да и в самом деле письмовник. В нем шесть разделов: при этом я имел в виду следующее: если купец пожелает написать письмо своей жене, скажем, из Одессы, — пусть ищет образец в первой книге «Лондон». Биржевой спекулянт, торгующий всякого рода акциями и тому подобным товаром, найдет образчик письма во второй книге —

«Бумажки», или же в третьей — «Миллионы». Маклер, сват или агент пусть ищут дальше. Словом, каждый найдет здесь свое.

А так как еврейские дела, по милости Божьей, повсюду одинаковы, то есть начинаются они как будто бы совсем неплохо и сулят золотые горы, а кончаются в большинстве случаев крахом, как у моего Менахем-Мендла, то над составлением письма нет нужды особенно трудиться. Его можно взять прямо из книги таким, как оно есть. А если найдется один из тысячи, у которого дела идут хорошо, то он может быть уверен, что это ненадолго. Все, что висит в воздухе и держится на ветру, должно в конце концов рухнуть. Это, конечно, не особенно приятно, но зато правда, а ведь правду все люди любят...

Готовя второе издание писем, я многие из них сильно сократил, а многие и вовсе выбросил. Потеряли при этом только наборщики, больше никто. Автор этой книги считает, что произведение, чем оно короче, тем лучше. Кто находит, что книга и сейчас длинновата, может быть уверен, что при дальнейших изданиях она с каждым разом будет становиться все короче и короче, пока не приблизится к идеалу: «С молчанием этого не сравнить...»

Шолом-Алейхем

Нерви (Италия), канун праздника Ханука

1909

«Лондон» (Одесская биржа)

I

Менахем-Мендл из Одессы — своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение Богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай Бог и в дальнейшем получать друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно, что я просто не в состоянии описать тебе город Одессу, его величие и красоту, его жителей с их чудесными характерами, а также блестящие дела, которые здесь можно делать.

Представь себе, стоит мне выйти с тросточкой на Греческую (так в Одессе называется улица, где заключаются всякие сделки) — и у меня двадцать тысяч дел! Хочу пшеницу — пожалуйста! Отруби? — Отруби! Шерсть? — Шерсть! Мука, соль, перья, изюм, мешки, селедки, — в общем, все что ни назови, можно найти в этой Одессе! Я поначалу наметил было два-три дельца, но они мне пришлись не по душе. И я шатался по Греческой до тех пор, пока не наткнулся на настоящее дело. А именно? Я торгую «Лондоном» и зарабатываю на этом совсем неплохо! Иной раз четвертной перепадет, иной раз полсотни, а при удаче — так и вся сотня. Словом, «Лондон» — это такое дело, которое может человека осчастливить в один день. Вот недавно приехал сюда какой-то синагогальный служака, хапнул одним махом тридцать тысяч, и теперь ему сам черт не брат! Говорю тебе, жена моя дорогая, золото здесь на улицах валяется! Я, упаси Бог, не раскаиваюсь, что съездил в Одессу. Но ты, пожалуй, спросишь, как я попал в Одессу, — ведь я совсем ехал в Кишинев? Суждено мне, видать, свыше нажить добрых несколько рублей! Вот послушай, как Господь Бог направляет человека. Когда я приехал в Кишинев к дяде Менаше за приданым, он меня спрашивает: зачем оно мне нужно?

— Стало быть, нужно! Не надо было бы, я бы не приезжал.

Тогда он мне говорит, что наличных у него сейчас нет, он может дать распоряжение к Бродскому в Егупец.

— Пускай будет Егупец! Лишь бы деньги!

А он говорит, что не знает, есть ли сейчас в Егупце деньги. Он может дать мне письмо к Бахраху в Варшаву.

— Пускай будет Варшава, — отвечаю, — лишь бы деньги!

Тогда он говорит:

— Зачем тебе Варшава? Варшава — далеко.

Если я хочу, он даст мне бумагу к Барабашу в Одессу.

— Пускай будет Одесса! — говорю я. — Лишь бы деньги!

— На что тебе так понадобились деньги? — спрашивает он опять.

— Стало быть, нужны! — повторяю я. — Не надо было бы, я бы не приехал.

Короче говоря, изворачивался он, как мог, но помогло это ему, как мертвому банки: раз я сказал: «Деньги!» — значит, деньги!

Тогда он достал два векселя по пятьсот рублей сроком всего на пять месяцев, и а триста рублей дал письмо к Барабашу в Одессу, а остальные наличными: это, — говорит он, — будет мне на расходы.

Так как мне сейчас некогда, то пишу тебе вкратце. Даст Бог, в следующем письме напишу обо всем подробно. Будь здорова, кланяйся от меня тестю, и теще, и деткам, чтоб здоровы были, и каждому в отдельности.

Твой супруг *Менахем-Мендл*

Главное забыл! Когда я пришел с денежным письмом к Барабашу, мне говорят, что никакое это не письмо! А что же это? На вербе — груши! Пускай, говорят они, раньше прибудет от вашего дяди Менаше вагон пшеницы, и пускай эта пшеница будет продана, вот тогда вам дадут деньги. Интересная история! Я тут же написал дяде Менаше в Кишинев открытку, что если он не вышлет немедленно пшеницу, я ему телеграфирую! Словом, пиши туда, пиши сюда — ходил я по Одессе сам не свой. И только вчера прибыли из Кишинева сто рублей наличными и на двести рублей вексель. Теперь ты понимаешь, почему я тебе все это время не писал? Я считал, что эти триста рублей пропали! Отсюда следует, что человек никогда не должен отчаиваться. Есть на свете Бог, он правду ви-

дит. Все наличные я всадил в «Лондон», купил комплект «госов» и «бесов», и — благодарение Богу, — говорят, что есть уже прибыль!

Тот же

II

Шейне-Шейндл из Касриловки — своему мужу в Одессу

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава Богу, вполне здоровы. Дай Бог и от тебя получать такие же вести в дальнейшем.

А во-вторых, пишу я тебе, что меня снова мучает давнишняя спазма, такую бы самую твоему дяде Менаше, который так ловко зажилл эти полторы тысячи целковых приданого! Такую бы ему жизнь! Такое счастье! Моя мать, дай ей Бог здоровья, говорит: «Послали кота по сметану!» Вексея я бы у него брала? А хворобу он не хочет? Лихоманку сроком на пять месяцев! Слушай, Мендл, дай Бог мне соврать, но боюсь, что остальных денег ты не увидишь, как ушей своих, которые занесло аж в Одессу. Твое счастье, что мама ничего не знает об этих векселях: несдобровать бы тебе! А то, что ты пишешь о твоих заработках, всем нам, конечно, это очень приятно. Но — тысяча чертей тебе! Почему бы не написать по-человечески, что это за товар такой, которым ты торгуешь? Почем аршин? Или его продают на вес? Откуда мне знать, что это такое и с чем это едят? И еще одного я не понимаю: вот, ты говоришь, купил товар, и вот уже имеешь прибыль? Что же это за товар, который растет в цене, как на дрожжах? «Мухоморы, — говорит моя мама, — и те без дождя не растут!» А если товар и в самом деле вздорожал, почему же ты его не продашь? Чего ты ждешь? Чтоб к нему и подступу не было?

А почему ты не пишешь, где остановился, как столуешься? Как будто я тебе чужая, не жена до ста двадцати лет, а какая-нибудь полюбовница поганая! Как мать говорит: «Уйдет корова в стадо, так «до свидания» не скажет!»

Послушал бы ты меня, Мендл, расторговался бы поскорее, собрал бы наличные и приехал бы домой. Найдешь здесь более при-

личное дело, чем вот это самое... Знать бы мне так лихорадку, как я знаю, что это такое!

И будь здоров, как желает тебе от всего сердца твоя истинно
преданная супруга *Шейне Шейндл*.

III

Менахем-Мендл из Одессы — своей жене Шейне-Шейндл в Касриловку

Моей дорогой, благочестивой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она! Со всеми домочадцами!

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение Богу, пребываю в полном здравии и благополучии. Дай Бог и в дальнейшем получать друг о друге только радостные и утешительные вести. Аминь!

А во-вторых, да будет тебе известно: меня нисколько не удивляет, что ты не понимаешь, в чем смысл «Лондона». Коль скоро опытные купцы, бородачи, об этом понятия не имеют, так где уж тут разобраться женщине? Поэтому я все объясню, чтобы ты поняла, в чем тут дело.

Надо сказать, что «Лондон» — материя тонкая. Продают его только на словах, а видеть никто его не видит. И каждую минуту он то дорожает, то дешевет. То «гос», то — «бес». Это значит, что рубль в Берлине то повышается, то понижается. Все зависит от Берлина: как Берлин скажет, так и будет! Курсы прыгают вверх и вниз, как сумасшедшие, депеши летят туда и сюда, а люди носятся, как на ярмарке, делают дела, получают прибыль, а среди них и я. Шум, суета — одуреть можно! Вот, например, вчера я сделал «стеллаж», стоил он мне полсотни, а сегодня утром, ровно в двенадцать часов, от моей полсотни и следа не осталось!

Но ты, наверное, не знаешь, что значит «сделать стеллаж», — надо тебе это объяснить. Дают, к примеру, полсотни за день, а тот «ставит курс». Ты можешь сделать из этого «стеллажа» «две стороны»: то есть два «беса» или два «госа», а то и просто остановиться и продать другому «втемную» до «закрытия» (так у нас в Одессе называется предвечернее время, как у вас, скажем, сумерки). И вот, если курс «отстает», то полетели твои пятьдесят рублей. Вот это значит «сделать стеллаж».